

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ПРОЗА

РИПОД
КЛАССИК

Москва, 2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С55

С55 Собрание сочинений: в 8 т. — М. : РИПОЛ классик,
2017.

Т. 8: Алейников В. Д. Проза / В. Д. Алейников. — М. : РИПОЛ
классик, 2017. — 792 с.

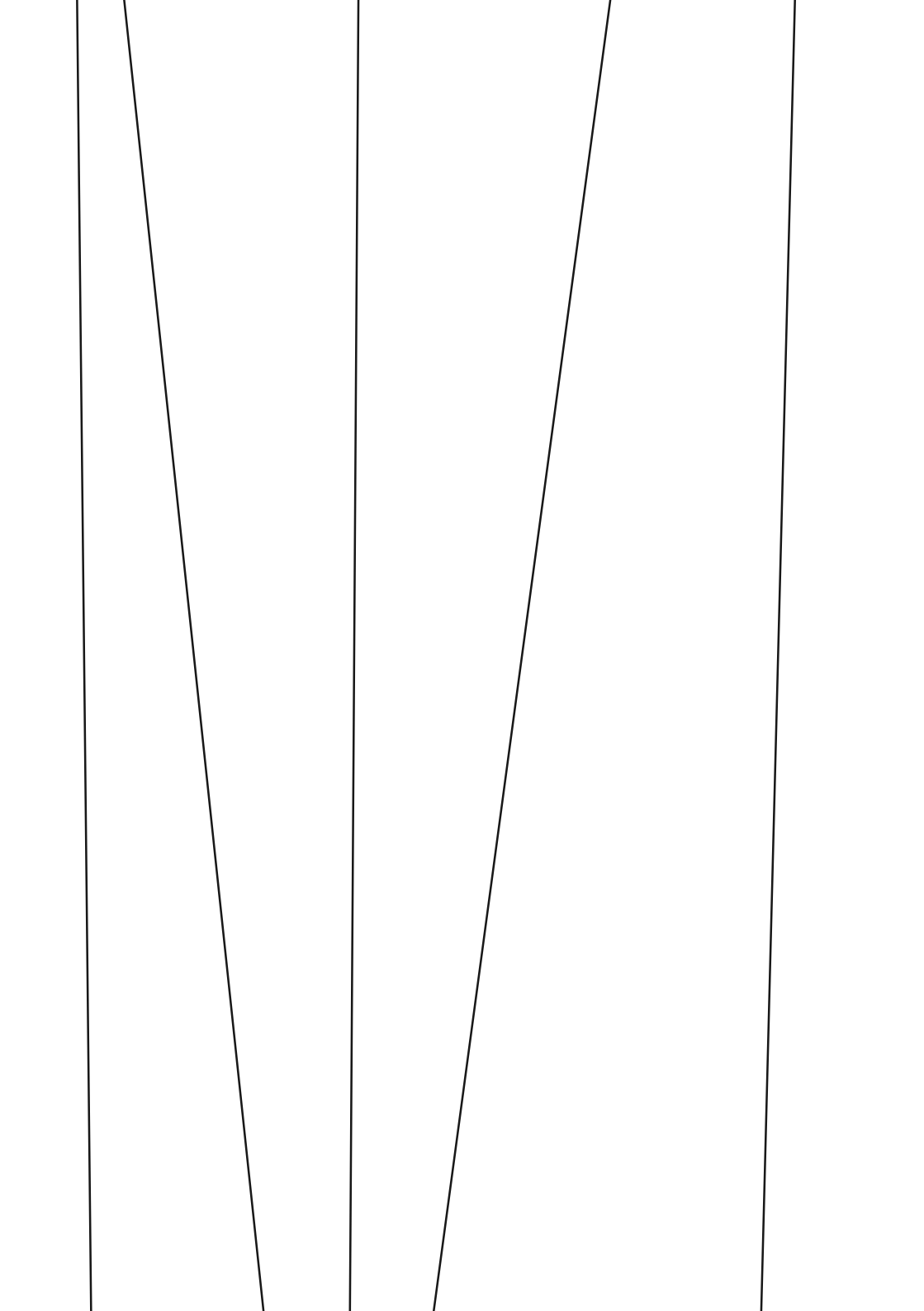
ISBN 978-5-519-62704-7 (Том 8)
ISBN 978-5-386-09816-2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-519-62704-7 (Том 8)
ISBN 978-5-386-09816-2

© Алейников, В. Д., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015

БЕЗ ДВОЙНИКОВ

Андеграунд — словцо с выкрутасами, с барабанными при-
бамбасами, для частот самых низких типичное нынче, бро-
ское, заграничное.

Целенаправленный, резкий, прямолинейно-раскатистый
звук его — чужд и тяжел нашему, ко всему, вроде бы, только —
вроде бы, вот что важно запомнить, привычному, чуткому,
нет, абсолютному, если с речью он дружен, слуху.

Термин с дикой, кичливой претензией — нет, вы только
себе представьте — не на что-нибудь там поскромнее, мол,
чего мелочиться, хватит, надоело, бери повыше, рой поглуб-
же, займи пространство, да и время, врасти корнями в землю,
в небо пусти побег, торопись гнездиться, плодиться, незна-
чай о цене рядиться с кем-нибудь, да хотя б с Хароном, или с
критиком, неким звоном пусть услышится кем-то что-то, не
нужны ведь для слухов ноты, всеохватнее, понахальнее, по-
смелее, — на универсальность.

Что-то сделанное, вещественное, но никак, никогда — не
духовное, что-то зримое, наподобие дорожного указателя:
только в этом ездай направлении — и не вздумай в пути сво-
рачивать никуда, ни вправо, ни влево, никуда тебе больше
нельзя, только прямо, туда, куда тебе, сам ты видишь, сам слы-
шишь, указано, — ну а больше, — смотри мне, нарвешься,
коль зарвешься, на неприятности, залетишь ты в зону опас-
ную, налетишь на преграду властную, вразумят тебя мигом,
умеючи, будешь знать, что почем, — никуда.

Этакий чужеродный, белыми хлипкими нитками неведомо кем и когда наспех пришитый лейбл — на истертой, местами в ключья средь скитаний былых изорванной, ношенной-переношенной, но зато и привычной, надежной, своего, отнюдь не заморского, не заемного вовсе, незачем занимать, ведь свое-то исстари нам дороже всегда, отечественного покроя и производства, пускай и действительно грубой, да, замечут тут же, надежной, от всех, каковы бы ни были, мыслимых и немыслимых бед столько лет защищавшей и тела наши, может, и бранные, только все еще крепкие, в шрамах и рубцах, наследье сражений, и невзгод, и всего, что пройдено, что испытано встарь когда-то, и души крылатые наши, все еще нет, не выброшенной с глаз куда-то долой — ей-Богу, жаль расставаться! — ткани минувшей эпохи.

Скрепя — не впервые — сердце, приходится, как ни брыкайся, как ни крути, увы, что ж поделаешь, так уж вышло, так сложилось, надеюсь — временно, ни секунды не сомневаюсь, что, бесспорно, не навсегда, употреблять иногда это вот, нам навязанное, подброшенное на крыльцо, с чем-нибудь там да связанное неведомо кем, словцо.

Оно уже внедрено, оно по-своему, исподволь иногда, а то и в открытую, в лоб, впрямую, исправно, работает.

Кому-то оно удобно, наверное. Наверняка!

Выгодно, может, кому-нибудь? Не взято ведь с потолка!

Откуда-то — появилось. И — вот оно, здрасьте, — пришло.

Что же нам всем остается? Только вздыхать тяжело.

Стерпится — слюбится? Так? По старинке? И — по инерции? Поскольку вот так-то — проще? Не думать. И не гадать.

Обходиться — тем, что всучили. Неизвестно — кто. И — откуда. Второпях. Наобум. Всем — оптом. Со всегдашним: пускай, сойдет.

С наплевательским: ничего, переварят, потом — привыкнут. С издевательским: вот вам всем! Получили? Довольно с вас!

Что за звук в словце — нехороший? Нежелательный. Бес-
толковый.

Что за смысл в словце — подземельный, да и только? И есть
ли смысл?

Где же — свет? Ну, просвет хотя бы. Выход, выдох, прорыв,
полет, воспарение. Где — дыханье? Где прозрение — наперед?

Неужели привыкнем к этому, нам подброшенному, словцу?
Привыкали и не к такому ведь. Сколько раз — не сочтешь
вовек.

Неужели словцо дурацкое будет всем нам еще к лицу?

Примирился ли с ним когда-нибудь терпеливый наш чело-
век?

Ох, не знаю. Верней: не думаю.

Настроение — впрямь угрюмое.

Ночь темна. И душа — в смятении.

От неточности — где спасение?

Покуда более-менее точное определение, как ни грусти об
этом, как ни вздыхай, не найдено, куда, пожалуй, разумнее
и проще куда говорить (не когда-нибудь там, потом, в отда-
ленном, туманном грядущем, а сейчас, в наше время, или же,
что вернее, в странную пору междувременья, в дни, когда по-
пытались мы все надыхаться и свободой, и чем-то еще, вроде
воли, скорее — разгула всевозможных страстей и всяческих,
на поверхности оказавшихся, непотребных порою, вывертов
и каких-то еще пируэтов, цирковых, балаганных, обманных,
карнавальных — у одиночек, общемассовых, маскируемых под
народные — у толпы, запрудившей вначале площади, стадио-
ны, потом — экраны телевизоров захватившие под прицел
своих цепких глаз, в ожидании многочисленных, громоглас-
ных, попсовых, любовных, а затем и кровавых зрелищ, сплош-
няком — негативных известий, самых свежих, горячих собы-
тий, происшествий, гламурных диковин, моды, слишком из-
менчивой для непривычных к такой пестроте и роскошеством

всяким, голов, непрерывной стрельбы, погонь, голых девок, груди и задниц, бриллиантов, дворцов и яхт, путешествий и приключений на любой из возможных широт, заграничной, вполне устоявшейся, в пику нашей, кондовой, жизни, заграничной, легко и просто пожираемой, и глазами, и не только глазами — всем человеческим естеством, той, которую так несложно оказалось усвоить, освоить, с характерным для нас умением тут же, сразу, переосмыслить, подогнать под мерки свои, жизнью — гидрой, химерой, мнимостью, не годящейся, на поверку, чтобы жить по ее законам столь недавно еще — советским, а теперь — эсэнгэшным, российским, украинским и прочим людям, чтобы жить не явью, а просто имитацией то ли яви, то ли так, непонятно чего, бестолковщины, да и только, — но уже надышались дурманом, напитаться успели яда, всех запретных ранее, сладких, но с горчинкой, плодов, то ли райских, то ли адских, поди разберись в кутерьме повальной, вкусить, и явилось, во всей красе парфюмерной, псевдоискусство, и подобье литературы неизвестно когда расплодилось, и буквально целые армии стихотворцев, шаблонных, безликих, безголосых и безымянных, развелись, на пустом ли месте, на безрыбье ли, среди разрухи и разброда, среди новой мглы, где зажглись, вместо тех, небесных, всем привычных созвездий — галактики бесконечных, как тягомотина с пепси-колой и жвачкой, рынков, — и ушли, отодвинулись в тень, кое-кем позабылись даже достижения наши былые в настоящей литературе, в настоящем искусстве, в нашем, а не чьем-нибудь там, искусстве, в нашей, кровной, литературе, столько долгих десятилетий непрерывно гонимой, но — выжившей, уцелевшей, навек сохранившей и дыханье свое, и свет, настоящей, вовсе не мнимой, не для всех, не для масс, пусть — для избранных, понимающих, что к чему, настоящей, иначе — подлинной, настоящей, неуывдаемой, прорастающей сквозь года, создаваемой — навсегда, сознаваемой как призвание, как горение, как дарение людям, ждущей от них внимания, понимания, озаре-

ния, устремленности — к свету, к чуду, к постижению движения речи, — не затем ли в молчанье всюду зажигают ночами свечи настоящие, да такие в наших грустных пределах есть, тоже выжили, уцелели, несмотря ни на что, читатели, наши самые дорогие, пусть неведомые, порою, но вернейшие, все же, друзья), — ну так вот, подчеркну опять, говорить разумней всего и проще намного сегодня: другая литература, другое искусство, другая культура, — такой вот всех примиряющий термин, предложенный — повторяю, поскольку слышал это я однажды в Москве от него самого — Сергеем Ивановичем Чуприниным.

По крайней мере, уж это по-русски все-таки сказано.

И важнейшую эту деталь, а точнее всего — камертонный, пусть на время, покуда головы как-то разом не просветлеют у людей наконец-то, звук, пусть еще глуховатый, но все же тон всему задающий звучанью предстоящему, нарастающей и грядущей музыке всей, строю, ритму, движению, пластике всех возможных определений, толкований решительно всех, из которых когда-нибудь, несомненно, еще появится долгожданная и чеканная, лучезарная, светлая формула, я опять-таки не случайно, а сознательно, даже больше, из упрямства, и — по чутью, по наитью, поскольку в них-то и таится зерно, из которого к свету нужный росток пробьется, чтобы в рост устремиться, подчеркиваю.

Почему? Это как — почему? Что за странный вопрос! Нет в нем надобности, ни малейшей. Да потому, что это, поймите, поверьте мне, крайне важно, жизненно важно. Как воздух, необходимо.

Уж простите меня, читатели дорогие, за тысячи раз всюду употребляемое всеми, кому не лень, и вроде бы нынче вконец заезженное выражение.

Однако — именно так. И никак не иначе. Как воздух. Нужный — для жизни слова. Поскольку слово должно, раз уж это русское слово, жить в стихии речи родной.

А то, представьте себе, этакое, разэтакое, невесть что, да и только, словно сварганенное в Голливуде мастерами по спецэффектам, —

то ли залетное, жуткое инопланетное чудище, то ли земной мутант, —

пучится криво, по-рачьи, тычется в горло клешнями по-крабьи, при этом вопя истошно, как будто бы «черт!» бесконечное и назойливое, из штатских боевиков, неожиданно превращая в небывалое:

андегр-р-раунд!..

И едва успеваешь порою отмахнуться от наваждения поскорее, пробормотав, по традиции:

чур меня, чур!

Да, подарочек — ну хоть куда.

Что с ним делать? Как быть?

И все же...

Почему тогда, почему же, объяснит ли кто-нибудь, именно оно, это вроде бы чуждое, вне всяких сомнений навязанное нам, наивным и одержимым, нам, романтикам, идеалистам, русским людям, таким, каковыми уродились, таким, как есть, ни убавить и ни прибавить, переделать нас невозможно, принимайте нас всех таковыми, вот мы, все, на виду, словцо, пробуждается вдруг в духовной глухомани пятидесятых,

пробивающимися настойчиво сквозь глушилки и щели в занавесе, том, железном, несокрушимом, всем казалось, прочно сработанном, не Левшами, конечно, другими, тоже классными специалистами, по приказу кремлевских властей, почему-то для всех убедительными голосами радиостанций чужеземных, всей мощью освоенного до последнего миллиметра, переполненного свистящими и шипящими позывными, новостями, разоблачениями, обличениями, обобщениями и подробностями, эфира, и запретным, с едкой горчинкой, с холодком, по хребту сквозящим, с пересошим горлом,